

РУССКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

УДК 398.22
ББК 82

Вновь к вопросу о бытовании былин в Пермском Прикамье

Александр Васильевич Черных

(Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН:
Российская Федерация, 614090, г. Пермь, ул. Ленина, д. 13а)

Аннотация. В статье анализируется история собирания, изучения и публикации в Пермском Прикамье былинных текстов в XIX — начале XX в., выявления и собирания фольклорных текстов с былинными сюжетами во второй половине XX — начале XXI в. История былинноведения в регионе насчитывает более двух веков от первого упоминания о былинных сюжетах В. Берха (1821) до записей начала XXI в. Поиск былин и собирательская деятельность в регионе связана с именами видных российских фольклористов Н. Е. Ончукова и А. В. Маркова. Несмотря на многочисленные публикации и свидетельства о бытовании былин, собственно былинных текстов записано и опубликовано крайне мало. Большинство записей принадлежит пермским исследователям; отчасти это обусловлено тем, что при характерном для Прикамья точечном и единичном бытовании былин такие записи были возможны только при многолетнем целенаправленном изучении фольклора. Значительно число публикаций, в которых приводится информация о былинах, но она не подкреплена текстовыми материалами. Анализируются записи и упоминания о былинных сюжетах в коми-пермяцком фольклоре. Рассматриваются особенности выявления новых текстов былин и былинных сюжетов в государственных архивных собраниях и фольклорных архивах. Рассмотрена работа пермских фольклористов в последние десятилетия и записи былинных сюжетов. В приложении к статье опубликовано несколько текстов из архивных собраний и полевых записей.

Ключевые слова: история фольклористики, Пермский край, былины, фольклорные тексты.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 20–012–00416 «Фольклорный архив: принципы хранения, систематизации и публикации экспедиционных материалов». Выражаем благодарность доктору филологических наук Т. Г. Ивановой за помощь и консультации при подготовке настоящей работы.

Дата поступления статьи: 20 мая 2020 г.

Дата публикации: 25 ноября 2020 г.

Для цитирования: Черных А. В. Вновь к вопросу о бытовании былин в Пермском Прикамье // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 4. С. 29–40.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2020.21.4.003>

Поиск и публикация текстов былин, а также их изучение — тема традиционная для российской фольклористики. В настоящее время продолжается публикация текстов в былинной серии «Свода русского фольклора». Один из томов се-

рии планируется посвятить записям былин Урала и Сибири, которых не так много в сравнении с классическими «былинными» районами Русского Севера. В этом контексте и предпринята настоящая публикация выявленных архивных материа-

лов, которые расширяют представление о бытовании былинных текстов в Пермском Прикамье, а также результатов полевых исследований в разных районах Пермского края, в которых также фиксировались былинные сюжеты.

Пермскому краю с былинами не повезло. В разные периоды в регионе неоднократно фиксировались факты их наличия и в то же время почти не записывались тексты. Конечно, отчасти данный факт связан и с характером бытования былин на территории региона. Возможно, уже в XIX в. завершался этап активного их бытования, а их распространение имело лишь очаговый характер. Первое упоминание о пермских былинных сюжетах содержится в публикации В. Н. Берха. В. Н. Берх в 1810–1820 гг. служил советником в Пермской казенной палате; в 1815, 1818, 1819 гг. им были организованы экспедиции на север Пермского Прикамья, в ходе которых он изучал археологические памятники, собирал документы, записывал народные предания. Его интерес к народному творчеству был обусловлен поручением графа Н. П. Румянцева: «Граф получил мне приложить всевозможное старание собрать древние народные песни...»

В д. Ветлан Чердынского уезда В. Н. Берх встречался с Н. Т. Девятковой, знатоком местной фольклорной традиции. Берх так описывает эту встречу: «Усмотря между моими посетительницами одну пожилую и умную женщину, спросил я ее, не может ли она в вознаграждение рассказать мне несколько старинных повестей или сказок? Настасья Тимофеевна Девяткова отвечала, что она готова удовлетворить любопытство мое и надеется успеть в сем более потому, что в целой округе нет женщины, которая бы так искусно повивала и рассказывала повести, как она. Обрадованный такою счастливою находкою, приготовился я слушать ее со всевозможным вниманием... Г-жа Девяткова предлагала мне: Илью Муромца, Ивашку белую рубашку, Царя Соломона, Данила безчастного, Соловья разбойника, Ивана царевича и, услышав, что все сии сказки мне известны, сказала, постой же, я расскажу тебе о Перяной кикиморе, которую ты верно не знаешь... Я выслушал еще и другую о Пелиторском короле и дочери его Мангалете, но не нашел в этом ничего нужного» [Берх 1821, 114–115]. В. Н. Берх стремился

услышать новые, неизвестные произведения, и, к сожалению, ни один из былинных или сказочных текстов не был им записан. Однако его сообщение остается первым свидетельством о бытовании в Прикамье былинных текстов, а Н. Т. Девяткову из д. Ветлан Чердынского уезда можно считать первой известной фольклористом пермской сказительницей.

Наиболее значительной публикацией пермских былин к настоящему времени следует, видимо, считать тексты, опубликованные 1899 г. А. В. Марковым в «Этнографическом обозрении», который поместил три былины, записанные в Кунгурском уезде Пермской губернии: «Буян-богатырь», «Дюк Степанович», «Чурила Пленкович» [Марков 1899]. Позднее эти же былины были опубликованы в сборнике В. Ф. Миллера [БНИНЗ 1908]. Тексты для публикации в рукописи были переданы А. В. Маркову кунгурским краеведом Е. Н. Косвинцевым. Биографии собирателя и самим текстам уделяется достаточное внимание в монографии Т. Г. Ивановой «“Малые” очаги севернорусской былинной традиции», поэтому отсылаем к данному исследованию [Иванова 2001, 167–173].

В 1909 г. А. В. Марков предпринимает поездку в Прикамье, надеясь найти и записать былины. В Перми исследователь опрашивает около ста человек — слушателей курсов хорового пения, приехавших из разных уездов губернии. Однако эта поездка не дала результатов, и А. В. Марков из Перми уезжает в Поморье [Иванова 1993, 43].

Не повезло с былинами в Пермском крае и Н. Е. Ончукову, который в 1900 г. совершил поездку по Чердынскому уезду [Ончуков 1901]. На р. Вишера в д. Вёлгур Ончуков записал лишь два небольших отрывка про «Микиту Добрыньевича», которые, к сожалению, не были опубликованы. Встречи с исполнителями в других деревнях либо не состоялись, либо они отказались исполнять былины [Ончуков 1901а, 452]. В поездке 1923 г. по Чердынскому уезду, как отмечает сам Н. Е. Ончуков, «...произведений народного творчества я нынче не записывал» [Ончуков 1924, 32]. В публикации по итогам поездки 1923 г. автор отмечает: «...былин в уезде нет, о них даже не знают» [Там же].

Одна из страниц в истории пермского былиноведения связана с именем собирателя и исследователя фольклора

В. Н. Серебренникова [Иванова 2001, 173–174]. В первом выпуске «Пермского краеведческого сборника» (1924) он опубликовал два отрывка былин, которые прокомментировал так: «Наконец ценным следует признать 2 отрывка былины: про Добрыню Никитича, записанные мной в с. Ножовке и д. Желнятах. Случаев записи былин в Оханском уезде до сих пор не было... <...> Записанные мною два отрывка былин свидетельствуют, что былины в уезде еще не вымерли окончательно» [Серебренников 1924, 62–63].

Таким образом, итогом собирания былин в Пермском Прикамье за более чем столетие, с начала XIX — до первой четверти XX в., стали фиксация и публикация пяти текстов, записанных в Кунгурском и Оханском уездах Пермской губернии, и нескольких свидетельств и косвенных данных об их бытовании. Этот период истории собирания и изучения былин в Прикамье достаточно хорошо изучен, опубликованы с научными комментариями и зафиксированные тексты. В настоящее время мы имеем монографическое исследование и ряд статей Т. Г. Ивановой о былинах, в которых подробно анализируется этот период сбора и выявленные фольклорные тексты [Иванова 1993; Иванова 2001].

Актуальными задачами настоящего времени в изучении былин в регионах Урала и Сибири является поиск в многочисленных собраниях государственных и ведомственных архивов, музейных фондах новых документальных источников, в которых встречаются сами тексты или упоминания о бытовании былин.

К архивным находкам можно отнести рукописи в фондах Государственного архива Пермского края с текстом былины. Документ был обнаружен в фонде известного пермского краеведа В. Н. Шишонко (1831–1889), который интересовался историей Урала, занимался сбором архивных документов, активно публиковал как документальные источники, так и свои работы. Особый интерес проявлял Шишонко к народному творчеству, собирал и публиковал фольклорные тексты. Источником формирования его фольклорной коллекции были корреспонденции, доставленные из разных уездов губернии. Этнографические очерки с фольклорными текстами помещены в многотомной «Пермской летописи» [Шишонко 1887,

424–435], отдельный сборник В. Н. Шишонко «Отрывки из народного творчества Пермской губернии» содержит преимущественно образцы свадебного фольклора зауральских уездов Пермской губернии [Отрывки 1882]. Часть фольклорных материалов, собранных им, не была опубликована. С учетом научных исследований и интересов В. Н. Шишонко размещение в его личном фонде документов и материалов по истории и культуре Урала выглядит вполне закономерным.

Сохранившаяся рукопись с описанием заводского поселения, к сожалению, не имеет начального листа (или листов), неизвестен ее автор, архивисты при обработке фонда дали документу условное название «Этнографические сведения о жителях уральских заводов. Рукопись неизвестного автора» [ГАПК. Ф. 321. Оп. 1. Д. 324]. Внимательное изучение рукописи позволяет определить дату ее создания и место, которое описывает автор. В титуле рукописи нет сведений о населенном пункте, к которому относится описание, что, видимо, и затруднило ее идентификацию архивистами. Однако в разных разделах текста в дальнейшем неоднократно встречается указание на Курашимский (Курашинский) завод Пермского уезда, например: «Жители Курашинского завода вообще почти характера скромного и хорошей нравственности...» [Там же. Л. 15(об)]; «Некто из жителей Курашинского завода, возвращаясь в завод из деревни Платошиной...» [Там же. Л. 29].

Исследование рукописи позволяет определить период ее создания между 1855 и 1862 гг. В тексте приведены данные о численности рабочей команды завода за 1855 г. и описаны заводские работы и занятия жителей, следовательно, она не могла быть создана ранее этой даты [Там же. Л. 2]. На 1850-е гг. указывают и данные последней, 9-й ревизии, проведенной в 1850 г., следующая, 10-я ревизия была в 1857–1859 гг. Кроме того, Курашимский завод был закрыт в 1862 г., о чем в рукописи не упоминается, а из описания хозяйственных занятий местных жителей можно заключить о продолжающейся активной деятельности завода. Например, при характеристике земледелия указано: «...жители, в свободное от заводских работ время, имеют хлебопашество...» [Там же. Л. 3].

Документ типичен для этнографических описаний того времени и, видимо,

был составлен не без влияния этнографических программ; возможно, автор использовал известную в то время Этнографическую программу Русского географического общества [Васкул 2012, 460–471]. Рукопись включает разделы, содержащие сведения по истории завода, «наружность заводских жителей», «занятия хозяйственные и промышленные», в которых дано описание заводских работ, земледелия, огородничества, скотоводства, охоты и рыболовства, ремесел и других занятий жителей завода, раздел «Домашний быт» с описанием одежды, пищи, жилища, утвари, «Нравы и обычаи», «Обряды».

Текст былины помещен в раздел «Повесья и предания», где также приведены записи песен, пословиц и поговорок, загадок, рассказы о лешем и другие тексты, «приветственные, ласковые и бранные слова». Однако, в отличие от других разделов, где подробно описаны особенности культуры и быта, в фольклорном разделе отмечено, что «закликательных и чародейских песен здесь в употреблении вовсе нет, кроме общенародных, из которых употребительнейшая в кругу здешних жителей есть следующие и отличаются в начальных только куплетах» [ГАПК. Ф. 321. Оп. 1. Д. 324. Л. 28]. Далее приводится список, состоящий из начальных строк 13 песен. Подразделом, в который автор помещает текст былины, озаглавлен «Сказки», при этом публикацию он сопровождает небольшим комментарием: «Сказки хотя есть здесь в употреблении, но одни только те, которые известны в общенародии, к числу коих принадлежит и здесь более известная одна, и она суть следующая...» [Там же. Л. 30]. Это единственный фольклорный поэтический текст, помещенный в рукописи.

Как из славного города из Мурома,
Из того села Корочаева
Как была-де поездка богатырская —
Наряжался Илья Муромец Иванович
Ко стольному городу ко Киеву
Он той дорогою прямоезжею,
Котора залегла ровно тридцать лет
Чрез те леса брянские,
Чрез чёрны грязи смоленские.
И залёг её, дорогу, Соловей-разбойник...

Текстологический анализ позволяет считать его копией былины из сборника Кириши Данилова, который, как известно,

к этому времени был опубликован дважды [Данилов 1804, 1818].

Сегодня невозможно выяснить мотивацию автора, который, видимо, переписал текст в свою рукопись. С одной стороны, это можно связывать с отсутствием знания и методики фиксации фольклорных текстов у автора рукописи, с другой — объяснить личными мотивами. Возможно только предполагать, что автор, прекрасно знакомый с фольклорными традициями Курашимского завода, слышал и знал о бытовании сюжета об Илье Муромце, а из известного сборника К. Данилова выбрал тот вариант, который наиболее близко подходил к известному и слышанному им. Таким образом, село Курашим Пермского уезда можно также обозначить как точку на карте Пермского края, как населенный пункт, к которому относятся косвенные свидетельства о бытовании былинных сюжетов.

Обнаруженный текст и факт возможного бытования былин подтверждает несколько выводов Т.Г. Ивановой о былинной традиции Урала. Село Курашим территориально входит в Кунгурско-Оханский микрорегион (по определению Т.Г. Ивановой), к которому относится большая часть записанных песенных текстов былин [Иванова 2001, 186]. Он, как и некоторые другие тексты былин Урала, в том числе запись В.Н. Серебренникова в с. Ножовка, относится к заводской традиции [Там же, 176].

В настоящее время сложно определить, почему неизвестно о фиксации былинной традиции в Прикамье в период 1920–1980-х гг. Скорее всего, потому, что этот период развития региональной фольклористики еще не в полной мере изучен и до настоящего времени не выявлены записанные тексты и свидетельства о бытовании былин в архивных собраниях. Так или иначе, в этот период в работах ведущих пермских фольклористов П.С. Богословского и И.В. Зырянова, несмотря на многочисленные публикации пермского фольклора, нет ни новых сведений о записи былин, ни былинных текстов.

В то же время именно этот период связан с активным изучением фольклора коми-пермяков, проживающих в Прикамье, в том числе и с фиксацией у них былинных сюжетов. Сам факт записи текстов былин у коми-пермяков, активно контактировавших с русским населением региона,

косвенно свидетельствует о бытовании былин у последних и восприятии их коми-пермяками. В 1948 г. полевые исследования в районах Коми-Пермяцкого округа проводила известный финно-угровед В. Н. Белицер, которая в д. Верх-Лупья Гаинского района записала небольшой прозаический текст с былинным сюжетом, обозначенный ею в полевых материалах как «Сказка об Илье Муромце». Краткий пересказ текста опубликован собирателем в ее монографии [Белицер 1958, 350]. Изучение текста позволяет выявить контаминацию былинных сюжетов с сюжетами сказок и преданий о местных богатырях, прежде всего с циклом преданий о Пере-богатыре. Полный текст данной записи не публиковался, поэтому приводим его полностью в приложении по архивному источнику.

Записи былин от коми-пермяков производились во время работы Коми-Пермяцкой этнографической экспедиции, осуществляемой совместными силами сотрудников кафедры этнографии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и Коми-Пермяцкого окружного музея в период с 1947 по 1953 г. Характеризуя результаты собирательской работы, участники экспедиций отмечали: «В коми-пермяцких и прикамских русских селениях экспедицией были записаны древние предания коми-пермяков об ушкуйниках, разбойниках (Петухе и др.), принадлежавших к знаменитой “Камской вольнице”; предания о чуде, об Илье-Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, Ермаке Тимофеевиче и др. ...» [Коми-пермяцкие предания, 1956]. В публикации приведен факт записи, скорее всего, прозаических текстов с былинными сюжетами, хотя сами тексты не опубликованы.

Новый этап фольклорных исследований в Пермском Прикамье приходится на последние десятилетия XX — начало XXI в., среди его характерных особенностей — активное экспедиционное изучение разных районов Пермского края, фиксация значительного числа текстов различных жанров.

Исследовательская работа фольклористов Пермского государственного университета в середине 1980 — начале 1990-х гг. под руководством К. Э. Шумова проводилась преимущественно в северо-восточных районах Прикамья, а в задачи исследования входило, кроме прочего,

«выявление следов бытования былин». Подводя итоги экспедиций, К. Э. Шумов отмечал: «За семь лет работы было записано около двух десятков пересказов былинных сюжетов» [Шумов 1998, 455]. В статье, посвященной бытованию эпической традиции в Прикамье, Шумов так характеризует зафиксированные тексты: «Основной корпус точно идентифицированных сюжетов следующий: “Исцеление Ильи Муромца”, “Смерть Святогора”, “Илья Муромец и Святогор”, “Илья Муромец и Соловей-разбойник”, “Добрыня Никитич и Алеша Попович”, “Отчего перевелись витязи на Святой Руси”. Можно также предположить, что на территории Северного Прикамья также бытовали сюжеты “Добрыня и Змей”, “Соловей Будимирович”, “Добрыня и Маринка”. Первичность и аутентичность материала доказывает и наличие контаминированных сюжетов» [Шумов 1998, 45]. К сожалению, автор не принял публикацию записанных текстов, в статье не указана география распространения и фиксации материалов, отмечены лишь д. Писаная и д. Оралово Красновишерского района, в прошлом относившиеся к Чердынскому уезду.

При подготовке настоящей статьи мы обратились к фольклорному архиву Пермского государственного национального исследовательского университета (ранее — Пермский государственный университет), в котором хранятся материалы названных экспедиций середины 1980 — начала 1990-х гг. с целью поиска анонсированных в статье текстов. К сожалению, аудиозаписи этого периода, как и часть рукописных документов экспедиций, утрачены, а из текстовых материалов выявлены и изучены около двух десятков экспедиционных тетрадей записей по Чердынскому, Красновишерскому и Соликамскому районам Пермской области.

К сожалению, выявленные записи крайне немногочисленны, фрагментарны, большая их часть никак не раскрывает характер бытования былинных сюжетов в регионе. Приведем один из фрагментов интервью, обнаруженный в архиве: «<Соб.: А про сильных людей слышали?> Были, были, дак уж это тоже не знаю. <А рассказывали такое?> Рассказывали, дак я уж забыл. <А о каких богатырях рассказывали?> Да, я уж забыл. <Про Илью Муромца рассказывали?> Да. <А про Святогора?> Также

был богатырь» (Зап. от Ивана Матвеевича Константинова, 1907 г.р., с. Редикор, Чердынский р-н, Пермская обл.) [ФА ПГНИУ. № 376. С. 119]. Как видно из примера, вряд ли он может служить свидетельством бытования былинных сюжетов.

Другой выявленный текст хотя и озаглавлен как «Смерть Ильи-Муромца», однако является вариантом распространенного и неоднократно фиксировавшегося на севере Пермского Прикамья сюжета «Аника-воин и смерть»: *«А дак это я слышал, что, значит, он стопудовой палицей хотел смерть побороть. Ну, время пришло, надо ему помереть, ну смерть-то у каждого считается. Смерть пришла — умер. Ну, смерть приходит к женщине — женщиной, к мужчине — мужчиной. Ну вот, смерть пришла к им и говорит: “тебе, говорит, время помереть”. Он говорит: “Ты что, за мной? Чтобы я помер, а вот у меня стопудовая палица, я говорит, тебя дык! Вот тебе и, смерть пришла по меня”. Он, говорит, ей стопудовой палицей дыкнул. У нее волосы не потресса, вите, он только спугался, упрощивать стал ее: “Ну оставь, меня хоть на час?” Не оставляет. Раз так: “ну, оставь хоть на полчаса?” Не уставляю. И у него голова полетела»* (Зап. в д. Петрецово, Чердынский р-н, Пермская обл.) [ФА ПГНИУ. № 407. Л. 43–43(об.)]. Других текстов в архиве выявлено не было.

В фольклорных экспедиционных исследованиях Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета в 1990–2000-е гг. (рук. И. А. Подюков) тексты былин и отдельные сюжеты также почти не фиксировались. Исключение составляет единственная фрагментарная запись, выполненная в Нытвенском районе и опубликованная в сборнике по фольклору и традиционной культуре района [Нытва 2001, 50]. Текст был записан от Варвары Меркурьевны Субботиной, 1915 г.р., в с. Григорьевском (в прошлом — село при Екатерино-Сюзвинском чугунолитейном заводе). В сборник, в котором опубликован текст, вошли не только материалы экспедиции 2001 г. в Нытвенский район под рук. И. А. Подюкова, но и материалы, собранные в селе Григорьевском школьниками под руководством педагога, аспиранта И. А. Подюкова С. А. Дружининой. Текст

с былинным сюжетом «Исцеление Ильи Муромца» относится к этим материалам и приводится в приложении к статье.

Наши полевые исследования в Пермском Прикамье были начаты в середине 1990-х гг., и хотя основными целями экспедиционных исследований было изучение календарной и семейной традиции, материальной культуры, фольклорные тексты разных жанров собирались и записывались. Наиболее интересными и значимыми для былиноведения полевыми материалами представляются записи экспедиции в Ординский район Пермской области 1997 г. Они выполнены в с. Шарынино Ординского района (бывш. Осинский уезд Пермской губернии, северо-восточная часть на границе с Кунгурским уездом) от Любови Яковлевны Мелкозёровой, 1910 г.р., урож. д. Колоба (Колобы) (совр. Уинский р-н Пермского края, деревня ныне не существует). В ходе полевой работы было записано 5 былинных прозаических текстов: «Про князя Владимира» (Ставр Гоудинович)¹, «Про Сорочинскую змею» (Добрыня и змей), «Про Алешеньку Поповича» (Добрыня Никитич и Алеша Попович), «Про Илью Муромца» (Исцеление Ильи Муромца), «Про Светлогора» (Святогор и Илья Муромец). Помимо владения былинными текстами, исполнительница продемонстрировала знание особенностей местной традиционной культуры: от нее были записаны интересные сведения по комплексам календарной и семейной обрядности, тексты сказок, мифологических рассказов. Хорошее знание «старинной» жизни, по словам Л. Я. Мелкозёровой, было связано с проживанием в небольшой деревне (26 дворов), а также с тем, что в детстве она много слышала рассказов и сказок от матери и тетки: *«Много рассказывали. Мама рассказывает, а мы не спим, уши розвесим, не спим, много чего рассказывали...»* Таким образом, местное происхождение текстов не вызывает сомнения. Записанные тексты были опубликованы в сборнике материалов региональной конференции, вышедшем небольшим тиражом и почти неизвестном исследователям [Черных, Преженцева 2000, 3–13]. Поэтому в приложении публикуем несколько текстов из данных записей.

¹ В первом случае название предложено информатором, в скобках — принятое в науке название сюжета.

В 2002 г. этнографическая экспедиция Пермского государственного национального исследовательского университета и Пермского областного краеведческого музея проводила исследование в Красновишерском районе Пермского края, по р. Вишера — именно в тех местах, в которых в 1900 г. работал Н. Е. Ончуков. Среди записей фольклорных текстов — пересказ былинного сюжета «Илья Муромец и Идолище». Записан он в п. Мухиха от Т. Филиппович, 1921 г.р., урож. д. Акчим этого же района. Сложно определить истоки появления пересказа, как и многих записей XX в., когда значительное влияние на фольклорную традицию оказывали образование информаторов и книжная культура. Вряд ли следует его отнести к пересказу былины, более всего — к былинным сказкам. Интерес представляет включение в текст сюжета о местных вишерских богатырях, обратившихся в камни.

Таким представляется к настоящему времени история поисков и записи былины на территории Пермского Прикамья.

Архивные изыскания последних лет позволили выявить новые тексты и свидетельства о бытовании былины, а фольклорные и этнографические экспедиции — записать несколько былинных сюжетов, уточнить особенности былинной традиции в регионе: они также относятся к двум центрам, к которым принадлежит наибольшее число записей и свидетельств, — Чердынскому и Кунгурско-Оханскому ареалу.

Пермское Прикамье, несомненно, занимает особое место на «былинной» карте России. Пермская традиция далека от «классических» регионов, в которых собраны и опубликованы многотомные собрания текстов. Эта территория, где также бытовали былины, но их «очаговое» распространение в XIX — начале XX в. можно считать особенностью региона, что является свидетельством разнообразия локальных вариантов былинной традиции и разных региональных вариантов ее бытования. Надеемся, что пермские тексты займут достойное место в былинной серии «Свода русского фольклора».

Источники и материалы

ИЭА РАН — Научный архив Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва).

Белицер 1958 — *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии народов Коми XIX — начало XX в. М.: [Б. и.], 1958.

Берх 1821 — *Берх В. Н.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб.: Военная тип. Гл. штаба его Импер-го Величества, 1821.

БНИНЗ 1908 — Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. В. Ф. Миллера. М.: Моск. высш. жен. курсы, 1908.

ГАПК — Государственный архив Пермского края (г. Пермь).

Данилов 1804 — [Данилов, Кирша] Древние русские стихотворения / Под ред. А. Ф. Якубовича. М.: В тип. С. Селивановского, 1804.

Данилов 1818 — Древняя российская стихотворения / Собранныя Киршею Даниловым, и вторично изданныя / Подгот. текста К. Ф. Калайдовича. М.: В тип. С. Селивановского, 1818.

Коми-пермяцкие предания 1956 — Коми-пермяцкие народные предания о Пере-богатыре: Сб. / Сост. Д. И. Гусев; Под ред. В. М. Сидельникова. Кудымкар: Коми-перм. кн. изд-во, 1956.

Марков 1899 — *Марков А. В.* Былины, записанные в Пермской губернии // Этнографическое обозрение. 1899. Кн. 43. № 4. С. 89–94.

Нытва 2001 — Нытва: Традиционная культура, язык и фольклор. В помощь этнопедаго-

гу и краеведу. Нытва; Пермь: РУО-ПОИПКРО, 2001.

Ончуков 1901 — *Ончуков Н. Е.* По Чердынскому уезду. Поездка на Вишеру, на Колву и на Печору // Живая старина. 1901. Вып. 1. С. 37–74.

Ончуков 1901а — *Ончуков Н. Е.* О расколе на низовой Печоре // Живая старина. 1901. Вып. 3–4. С. 434–452.

Ончуков 1902 — *Ончуков Н. Е.* О расколе на низовой Печоре. СПб.: Тип. кн. В. П. Мещерского, 1902. (Отт. из «Живой старины», 1901. Т. 12. Вып. 3–4).

Ончуков 1924 — *Ончуков Н. Е.* Поездка в Чердынский край летом 1923 г. // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 29–32.

Отрывки 1882 — Отрывки из народного творчества Пермской губернии / Собрал В. Н. Шишонко. Пермь, 1882.

Русские народные сказки 2004 — Русские народные сказки Пермского края / А. В. Черных, сост. вступ. ст., прим. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004.

Серебренников 1924 — *Серебренников В. Н.* Из оханского фольклора // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 60–66.

ФА ПГНИУ — Фольклорный архив Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь).

Шишонко 1887 — *Шишонко В. Н.* Пермская летопись с 1263–1881 г.: Период 5: Ч. 2: С 1695–1701 г.; С 1682–1725 г. / Сост. чл. разных учен. о-в, дир. нар. уч-щ Перм. губ. Василий Шишонко. Пермь: Тип. Губ. зем. управы, 1887.

ЭА ПФИЦ УрО РАН — Экспедиционный архив Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (г. Пермь).

Исследования

Васкул 2012 — *Васкул А. И.* Этнографическая программа Русского географического общества // *Русский фольклор: Материалы и исследования*. Т. XXXVI. СПб.: Наука, 2012. С. 460–471.

Иванова 1993 — *Иванова Т. Г.* Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993.

Иванова 2001 — *Иванова Т. Г.* «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: Исследования и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.

Преженцева, Черных 2000 — *Преженцева Е. С., Черных А. В.* Записи былинных сюжетов в Южном Прикамье // *Фольклорный текст-99: Матер. науч.-метод. семинара*. Пермь: [Б. и.], 2000. С. 3–13.

Шумов 1998 — *Шумов К. Э.* Бытование эпической традиции в Прикамье // *Фольклорный текст-98: Сб. докл. науч. конф.* Пермь: [Б. и.], 1998. С. 43–48.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Тексты

Сказка об Илье Муромце

30 лет сидем сидел Илья безногий. Зачал Илья водку пить, питья ему не хватало. Как начал Илья водку пить, у него ноги стали двигаться. Спросился Илья у отца куда-нибудь поехать. Привел отец ему лошадь. Мятнул руками Илья — лошадь выросла, свиснул Илья по-своему: «Сивка-бурж(к)а, веща воронка». Воронка бежит, земля дрожит, сбруя на ней золотая. Сел на лошадь Илья и гонит ее с горы на гору. Увидел Илья Соловья-разбойника на лошади. Захватил Илья Соловья-разбойника и в карман засунул вместе с лошадью. Воронка скакал, скакал, а потом падать начал. «Отчего ты падаешь, воронко?» — спрашивает Илья. «Как мне не падать, — отвечает воронко, — тебя везу и человека с лошадью». Тогда Илья говорит Соловью: «Будь ты мне брат родимый», и поехали они двое. Едут два богатыря, вдруг видят: на дороге золотой гроб лежит. Начали богатыри ладиться, кому в гроб ложиться. Лег Илья в гроб, и гроб не по нем оказался. Илья говорит: «Видно, гроб не по мне лажен. Тогда лег Святогор, и ему гроб как раз пришелся. Поехал Илья дальше. Собралось 12 богатырей, 3 богатыря говорят: давайте землю поделим. Бог ящик изладил и скобу сделал. Поднимает один богатырь, поднять не может, тогда все богатыри стали поднимать, и более одного вершка поднять не могут. А Илья взял <...> и поднял очень высоко. Испугался Микола и сказал: «Будешь камнем». Вот здесь, говорит рассказчик, и камни лежат вместо богатырей. Существует поверье, что перед войной эти камни обратятся снова в богатырей и встанут на защиту родины. Богатыри обуты в сапоги, такой формы камни.

(Зап. в д. Верх-Лупья, Гайнский р-н, Молотовская обл. Соб. В. Н. Белицер. 1948 г.) [АИЭА РАН. Ф. 10. Д. 1640. Л. 39–39(об.)].

О богатырях

Говорливой камень есть над Вишерой. В этом камне, значит, они этажами, вот так этажи. Вот в этих этажах жили богатыри. Вот они похвастали: «Ежли бы было кольцо из неба и из зем-

ли, мы сволокли это все вместе». Такая у них была сила. И вот Бог на них разгневался, и они окаменели. И вот говорили, чтобы при окончании жизни они все как воскреснут. И вот этот Ветлан-камень, все говорили. Вот у нас тетка была, она всё рассказывала. Там речка есть Полкюдиха. И вот этот богатырь жил, дом же какой-то у них был. У лошади была сделана какая-то сарайка. И оне как это сказали: «Землю-то и небо сволокли вместе». Ну, вот Бог на них разгневался, и чтобы они все окаменили. Он коня поил, коня привел, поставил в стойло, конь окаменел. Он сам пришел, сел за стол, руки положил на стол, тоже окаменел. А жена лежала на полотах и через брус у нее волосы висели — тоже окаменела. Так и остался камень, это богатыри. Говорили у нас в Акчиге. На Пасху слышали выстрелы в Писанском камне, что это богатыри встречают Пасху. <Соб.: А их сколько богатырей было?> А кто его знает... Ну вот Илья-Муромец был, потом такой, говорит, грузной был богатырь Калика Перехож.

Я детям когда только рассказывала, это уж не настоящая сказка. Ну, вот, как был Илья Муромец такой бойкий богатырь. И конь у него был бойкий, и сам он такой был. А один был богатырь ведь Калика Перехожий... Тот, значит, был грузной сам, конь тихий, и он был тихий. А там, значит, в какой-то деревне или в городе жил царь. И какое-то, знаешь, Идолице к жене пришло, стало жуть. А этот царь только у их уже как прислуга: исть готовил, подавал им. Ну, едет Илья Муромец, попадает ему Калика Перехожая встречу, и говорил: «Калига, где ты был? У царя был? — Был. За милостиной ездил. — Ну, что у него там Идолице делает? — Ой, говорит, что ты, сидит, жрет, говорит, кости, говорит, просто как, говорит, ест. — Давай, раздевайся быстро». Ну, значит, Калига всё снял, а у этого Калеги был костыль сто пудов. А шляпа полтораста. (Вот когда-то мне брат сказал: «Ну-ка, ты, Тамара, скажи...») Ну, я еще в школу не ходила... И говорит: «Которая больше? Или сто пятьдесят, или полтораста?» Думала, думала, думала и говорю: «Полтораста больше». Он говорит: «Да то же и одно.» А костыль, значит, полтораста пудов был. Ну, он, значит, приезжат, ну, зашел, значит, там куда, в веран-

ду ли, в лабаз ли, костыль поставил, аж стекла поспыпались из рам. А тогда говорит Идолище: «Это там кто приехал? Не Илья Муромец ли?» Оно уж, видимо, за ево знало. Да нет. Это Калика Перехожая приехал за милостиной. Он сидит, жрет, да. Он забегат, значит, шляпа голову воротит. Ну и что. Шляпу снял, как его шляпой в грудь, и он с простенком вылетел на улицу. И что схватал, в туалет уволок, под дверь ногами поставил. Еще, знаешь, говорит: «Не человек человека убил, царя освободил». Ну, скорее вскочил на ето-го коня, поехал, догнал ето-го, Калику Перехожего. «Давай, слазь скорее, мне коня давай и одежду твою, всё». Оделся и ускакал. Тот остался при своем коне. Да он знал, Калика Перехожая, что это Илья Муромец, он знал.

(Зап. от Тамары Егоровны Филиппович, 1921 г.р. (урож. д. Акчим), п. Мутиха, Красновшерский р-н, Пермская обл. Соб. А. В. Черных. 2002 г.) [ЭА ПФИЦ УрО РАН. Д. «Вишера 2002»].

Исцеление Ильи Муромца

Жил-был в Муроме крестьянин Иван Тимофеевич. Был у него сын Илеюшко. Ходить он не мог с детства, не носили его ноги резвые. Сидел Илья на печи в избе ровно тридцать лет. Ушли раз родители на крестьянскую работу. А к Илье под окно странички забрели. Просят: «Поддай нам, Илеюшко, милостыньку. Да напои нас пивком». Зазвал их Илья в избу, говорит им: «Поддал бы я вам милостыньку и пивком напоил бы — у нас в доме всего вдоволь, — да видите, я недвижим сажу!» Просили они Илью, просили, а он им всё отказывал. «Ты попробуй-ка с печки слезть», — говорит один странничек. Илья спустил ноги с печи, встал. Диво-дивное! Пошел Илья по избе, будто не он безногим был. Скорехонько сходил Илья за деньгами, подал старичкам. А они не берут: «Принеси нам пива сладкого». Принес он целую чашу пива. Старички попили и говорят: «Допивай, что в чаше осталось. Да вторую носи нам». Попили они из второй чаши, а Илья опять поскребыши допил. И почувствовал Илья в себе силу богатырскую непомерную.

(Зап. от Варвары Меркурьевны Субботиной, 1915 г.р., с. Григорьевское, Нытвенский р-н, Пермская обл.) [Нытва 2001, 50].

Про сорочинскую змею (Добрыня и змей)

Добрыня Никитич в Почай-реке начал купаться. А это, в Сорочинских горах жила сорочинская змея. Она у князя-то Владимира утащила племянницу, эта сорочинска-то змея.

Вот. Она же говорит: «Неправду, грит, тебе, Добрынюшка Никитич, святые отцы написали на святых воротах, что Добрынюшка Никитич должен меня победить-губить. Я, — говорит, — тебя сейчас клюну в реке-то, захочу — дымом задушу, захочу — хоботом убую». Это змея-то.

Он говорит: «Дак че, — говорит, — тебе скажут, что Добрынюшка Никитич в Почай-реке купался, да это, утонул.

«Дак выходи, — говорит, — на сушу, она ему говорит, эта сорочинска змея».

«Отвори, — говорит, — большие де свои шары, ведь ты женчина, а я, — говорит, — мужчина. Я хоть одежду одяну на себя-то.

Она как выпустила, это отвортила. Он выскочил из реки-то дак. Сразу... Кака-то кольчуга называлась. Еще и штаны и рубаху не стал надевать, сразу эту кольчугу взял. Тут он ее убил, эту сорочинску-то змею. И поехал. И это, языки у ей вырезал, что не повирят ему.

И поехал по этим по Сорочинским-то горам. Доезжат. А этих-то, — говорит, — там змеятов у ей. И коню-то на ноги обвиваются, и всё. А ему мать-то сплела плеточку из семи шелков, этому Добрынюшке-то Никитичу. А он это, как значит, ушами коню-то: «Ты, — говорит, — Бурушко, поскакивай, этих змеешнейшей попинывай, побрасывай».

Ну и вот. Он поехал по этим. Приехал сам в змеино-то царство. А окурат у князя-то Владимира племянницу-ту украли, она утащила. И племянница-то распетая на стене, она ее росела. Он ее узнал, она его, видно, узнала. Ну, он ее снял. Много тут было у него народу всякого. Она все в пояс ему кланялися, что вот освободил.

А этот Бурушко, как змеятов всех, говорит, ногами притопывал. И приехал опять к царю-то, к этому ко князю-то. Приехал. А этот Лешенька Попович, опять у них не везло ведь:

— Ведь ты, — говорит, — мне крестовой брат. Ведь Добрынюшка, — говорит, — мы в одной воде крещшоны...

Забыла, не знаю, там че-то много рассказывали, дак. Забыла...

(Зап. от Любови Яковлевны Мелкозёровой, 1910 г.р. (урож. д. Колоба (Колобы), совр. Уинский р-н, Пермский край, ныне не существует), с. Шарынино, Ординский р-н, Пермская обл. Соб. А. В. Черных, Е. С. Преженцева. 1997 г.) [ЭА ПФИЦ УрО РАН. Д. «Орда 97»].

Про Алешеньку Поповича

(Добрыня Никитич и Алеша Попович)

А Алеша-то Попович хвастливой был. Хвастливой, хвастал Алешенька-то Попович. А Добрынюшка Никитич он воевал все по мытарствам. И он себе невесту нашел: как два богатыря сила на силу сошлись.

И вот она силой померялись. Одинакова сила сошлись. А Алешка Попович зависть взяла, завидует. Че, мол, Добрынюшка Никитич...

Начали посылать воевать. Алешка Попович: «Добрынюшку Никитича посылай». Князю все равно надо (кого-то посылать). И Добрынюшка Никитич уехал. И жене говорит Настасье Микулишне:

— Жди меня 3 года. 3 года пройдут — можешь замуж идти.

Вот она ждала 3 года, 6 годов, 9 годов ждала ево и 12 годов прождала — не выходит замуж, ждала его.

А Алешке этому Поповичу надо стало ее взять.

Она ревет, не идет. А оне только жили с етой Апракеи Королевишна была. Привез мать. Силом князь приказал.

Ну, сделали как там свадьбу. И Добрынюшка-то Никитич вернулся домой. Его конь разбудил. Он на коня. И он домой-то пригнал: мать-то ревет.

— А че ты, мамаша, плачешь? А где моя жена?

Алешка Попович взял. Вчера вот была свадбка, а сегодня столов день.

Ну че.

— Так я, грит, твой сын.

Она не вирит:

— У моего Добрынюшки Никитича под правой пазухой было родимое пятнышко.

Он показал его.

— А где, грит, мои гусли?

Ну он сел.

— Разрешите, грит, мне молодым чару вина подать?

Разрешили ему. Он взял и кольцо именное было у него, ей подал:

— Пей до дна, так увидишь добра, не пивать до дна дак не видать добра.

Она выпила и сразу кольцо-то увидела.

Женился, грит, Алешка Попович, да не с кем спать, вздумал от живого мужа жену взять. Он его как взял, хотел его...

(Зап. от Любви Яковлевны Мелкозёровой, 1910 г.р. (урож. д. Колоба (Колобы), совр. Уинский р-н, Пермский край, ныне не существует), с. Шарынино, Ординский р-н, Пермская обл. Соб. А. В. Черных, Е. С. Преженцева. 1997 г.) [ЭА ПФИЦ УрО РАН. Д. «Орда 97»].

Про Илью Муромца (Исцеление Ильи Муромца)

Вот этот Илья-то Муромец он был самой главной богатырь, он 30 лет не ходил, всё он у старика, матери один сын был, больше детей не было. И до 30 лет он всё лежал на печи. К нему пришли странники, два — как странники, что ли, оне, нишшие.

— А че, давай вставай, — говорят.

— Да я уже вот 30 лет лежу, не могу встать.

— Да вставай, может, встанешь.

Он это:

— Не могу встать.

Они ему че-то налили, он выпил.

— Ну, — говорит, — давай, встанешь теперя?

— Да.

Он пошевেলился, встал, с емя разговаривает. Они ему еще налили. Он выпил.

— Вот я теперь силы чувствую в себе.

Третью чашу налили.

— А мне бы, — говорит, — сейчас кольцо в землю, я бы всю землю вокруг поворотил.

Меня держит земля. Всю бы землю вокруг поворотил. Они взяли, че-то сбавили у ево сил.

Он пошел к отцу с матерью, а они ушли. А отец с матерью корчевали леса, пенья да че выдергивали, расчищали поля.

Он как возьмется — пособил им — всё выдергал моментально: «Вы отдыхайте, я один буду».

Потом он в город, Чернигов называется. Там родилось государство...

Мать и отец говорят:

— Ты пойдешь на войну?

— Пойду я посмотрю.

— За друга стой, за друга не стой.

Он в етот пришел в Чернигов в город. Ну, сказка дак сказка. Оне, грит, собралися в монастырь, все в церкву, все ревут. Уж это шибко какой злой нападат на него. Он грит:

— Вы, черниговцы, не плачьте.

Всех нагнали, какого-то князя, нагнали вершних три сына.

Он, — говорит, — взял, этот Илья Муромец, подошел, их повернул.

Стали благодарить его люди черниговские.

— Ниче мне, грит, не надо, только дайте хлеба каравай, больше мне ниче не надо. И ушел...

(Зап. от Любви Яковлевны Мелкозёровой, 1910 г.р. (урож. д. Колоба (Колобы), совр. Уинский р-н, Пермский край, ныне не существует), с. Шарынино, Ординский р-н, Пермская обл. Соб. А. В. Черных, Е. С. Преженцева. 1997 г.) [ЭА ПФИЦ УрО РАН. Д. «Орда 97»].

Про Светлогора (Святогор и Илья Муромец)

Это на горе-то уме. Дак вот, я с краю-то тоже не знаю. Оне издили с Ильей-то Муромцем. Там гроб-от оне нашли. Как бы это, Илья Муромец лег в етот гроб-от: ему не ладно. А етот, как ево, Светлогор, он лег, и ево сразу гробница и закрыла. И этот Илья Муромец как старался, не мог никак открыть гробницу ту.

Забыла я много, много, много...

(Зап. от Любви Яковлевны Мелкозёровой, 1910 г.р. (урож. д. Колоба (Колобы), совр. Уинский р-н, Пермский край, ныне не существует), с. Шарынино, Ординский р-н, Пермская обл. Соб. А. В. Черных, Е. С. Преженцева. 1997 г.) [ЭА ПФИЦ УрО РАН. Д. «Орда 97»].

Про князя Владимира (Ставр Гоодинович)

У князя Владимира

Было пированье,

Было столованье,

И все при беседушке расхвасталися. Кто хвастат силоу, кто хвастат молодой женой, кто хвастат старой матерью, кто хвастат добрым конем. А молодой Совер, сын Годенович, он сидел в углу. Он заперво-то хвастал.

— А я, — говорит, — вас всех перехвастаю, — молодой Совер, сын Годенович. У меня, — говорит, — жена, Василиса Тимофеевна. Она, — го-

ворит, — меня двои продаст, а трои выкупит. Трои, — говорит, — выкупит.

А тут народ, все уже билися, купцы да кто там, кто были те там у него. (Видимо, обвинили его во лжи.) А в Сорочински-то погрёба его бросили, етова молодова Совра, сына Годеновича.

А князя-то не было, только княгиня там, Апракса Королевишна только была. А Апракса Королевишна она всё чула, что неправду оне на его насаказали. А ето, Апракса-то Королевишна знала, что ето неправда всё. Она от князя-то воровски ись носила ему в погреб-то.

Василиса-то Тимофеевна созвала нянек, манек. Созвала. Че делать? Думат, как че выкупить ево. А посол уж там приехал, сказал ему, молодому-то Совру. Она нянькам говорит, служанкам:

— Ложитесь спать!

Она сидела, сидела, думала, на стуле. Взяла свои волосы остригла по-молодечки. А только забыла сережки из ушей, ну и приехала ко князю Владимиру.

— Давайте, — говорит, — сильцов, борцов, или в кулацьки биться, или с косы бороться.

Это она просит всё, эта жена-то. Ну че, хоть че, дак она всё перебиват, всё перебиват.

— А ето, — говорит Апракса Королевишна. И говорит, — ну-ко, — говорит, — позовите-то молодого-то Совра, сына Годеновича. Может, он не живой вить. Може, ежли живой, дак он, может, нам, не поможет ли че.

Князь пошел, кричал. Слуги кричали. Никто, никому.

Апракса Королевишна пошла сама. И она, значо, закричала. Он подал ей голос. И добыли ево.

— А ты, — говорит, — вот князь. За столько, за много лет просит подать с ево. Он не платил князь-от.

Ну, поехал.

— Он, — говорит, — мне знакомой, — этот молодой Совер сказал.

А она назвалась это: Васил, посол земли Тувайской, назвалась.

— Ну-ко, приведите ее сюда, ко мне, ко князю-ту.

А она на царских лугах была, шатер изладила, никого не запускала, всех побеждала.

Вот он ето, как встритились они со етой, со своей-то женой, взел ушки за ушки поцеловались. Он тогда им и говорит:

— Не я ли, — говорит, — вам говорил, что моя жена Василиса Тимофеевна двои продаст, трои выкупит? Вот.

Потом и эта сказала, Апракса Королевишна:

— Это неправда, — говорит, — он, — говорит, — правду это рассказывал, так-то только было говорено.

И подать не зачал просить. И уехал.

— Я, — говорит, — вам правду говорил, что она, — говорит, — двои продаст, трои выкупит. Вот, — говорит, — и выкупила.

Тогда он повирил своей жене.

(Зап. от Любви Яковлевны Мелкозёровой, 1910 г.р. (урож. д. Колоба (Колобы), совр. Уинский р-н, Пермский край, ныне не существует), с. Шарынино, Ординский р-н, Пермская обл. Соб. А. В. Черных, Е. С. Преженцева. 1997 г.) [ЭА ПФИЦ УрО РАН. Д. «Орда 97»].

© А. В. Черных, 2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Черных А. В. <https://orcid.org/0000-0002-7670-3912>

Доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующий сектором этнологических исследований отдела истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН: Российская Федерация, 614090, г. Пермь, ул. Ленина, д. 13а; тел.: +7 (3422) 212-70-19; e-mail: atschernych@yandex.ru

Once Again on the Existence of Bylinas (Russian Heroic Epics) in the Perm Kama Region

Alexandr V. Chernykh

(Perm Federal Research Center of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences:
13a, Lenin str., Perm, 614090, Russian Federation)

Summary. *This article analyzes the history of collecting, studying and publishing bylina texts in the Perm Kama Region in the 19th — early 20th century, and the identification and collection of folklore texts with bylina subjects in the second half of the 20th — early 21st century. The history of bylina studies from the region dates back almost two centuries, from the first mention of bylina stories by V. Berkh (1821) to recordings of the beginning of the 21st century. The search for*

bylinas and collecting activity in the region are associated with the names of the prominent Russian folklorists N. E. Onchukov and A. V. Markov. Despite numerous publications and evidence of the existence of bylinas, very few actual bylinas have been recorded and published. Most of the recording was done by Perm researchers; this is partly due to the fact that because of the characteristically spotty and sporadic presence of bylinas in the Kama Region, their documentation was only possible by long-term purposeful study. There is a significant number of publications that provide information about bylinas, but it is not supported by textual material. In this article, the existing records and references to bylina stories in Komi-Permian folklore are analyzed. It examines the particularities of identifying new bylina texts and subjects in state archival collections and folklore archives. It also considers the work of Permian folklorists in recent decades and their recording of bylina stories. Several texts from archival collections and field recordings are published in the appendix to the article.

Key words: history of folklore studies, Perm region, bylinas, folklore texts.

Acknowledgements. The research was financially supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-012-00416, "Folklore archive: principles of storage, systematization and publication of expedition materials." We would like to thank DSc in Philology T. G. Ivanova for her help and advice during the preparation of this work.

Received: May 20, 2020.

Date of publication: November 25, 2020.

For citation: Chernykh A. V. Once Again on the Existence of Bylinas (Russian Heroic Epics) in the Perm Kama Region. *Traditional Culture*. 2020. Vol. 21. No. 4. Pp. 29–40. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.4.003>

References

Ivanova T. G. (1993) Russkaya fol'kloristika nachala XX veka v biograficheskikh ocherkakh [Russian Folklore Studies of the Early 20th Century in Biographical Essays]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. In Russian.

Ivanova T. G. (2001) "Malye" ochagi severnorusskoi bylinnoi traditsii: Issledovanie i teksty ["Small" Hearths of the North Russian Bylina Tradition: Research and Texts]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. In Russian.

Prezhentseva E. S., Chernykh A. V. (2000) Zapisi bylinnykh syuzhetov v Yuzhnom Prikam'e [Recordings of Bylina Stories in the Southern Kama Region]. In: Fol'klornyi tekst-99 [Folkloric

text-99]. Mater. of the schol. and method. seminar. Perm. Pp. 3–13. In Russian.

Shumov K. E. (1998) Bytovanie epicheskoi traditsii v Prikam'e [The Existence of an Epic Tradition in the Kama Region]. In: Fol'klornyi tekst-98 [Folklore Text-98]. Coll. of reports of the schol. conf. Perm. Pp. 43–48. In Russian.

Vaskul A. I. (2012) Etnograficheskaya programma Russkogo geograficheskogo obshchestva [Ethnographic Program of the Russian Geographical Society]. In: Russkii fol'klor: Materialy i issledovaniya [Russian Folklore: Materials and Research]. Vol. XXXVI. St. Petersburg: Nauka. Pp. 460–471. In Russian.

© A. V. Chernykh, 2020

ABOUT THE AUTHOR

Alexandr V. Chernykh <https://orcid.org/0000-0002-7670-3912>

E-mail: atschernykh@yandex.ru

Tel.: +7 (3422) 212-70-19

13a, Lenin str., Perm, 614090, Russian Federation

DSc in History, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Ethnological Research Sector, Department of History, Archaeology and Ethnography, Perm Federal Research Center of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)